

ПОЛИЦИЯ ПО-РУССКИ

ВИКТОР ПРОНИН

МЕНТ И БОМЖАРА

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!
Читай внутри условия акции-2011!

Виктор Пронин
Мент и бомжара (сборник)

«ЭКСМО»

2011

Пронин В. А.

Мент и бомжара (сборник) / В. А. Пронин — «Эксмо», 2011

С самыми разными людьми сталкивает судьба сыскарей. И с бомжами они зачастую пересекаются – те бывают и свидетелями, и потерпевшими, и подозреваемыми. Но вот чтобы бомж заменил сыскаря... Так получилось, когда капитан российской полиции Зайцев расследовал дело об убийстве. Рядом с местом преступления оказался гражданин без определенного места жительства по имени Иван, который, как выяснилось, имел острый глаз, наблюдательность и аналитический склад ума. Именно с его помощью Зайцев и вычислил убийцу, раскрыв, казалось бы, абсолютно «глухое» дело. А дальше – больше. Новое преступление – и капитан снова идет к сметливому бродяге...

© Пронин В. А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Бомжара как символ справедливости	5
Бомжара	10
Опять бомжара	19
Бомжара возвращается	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Виктор Пронин

Мент и бомжара (сборник)

Бомжара как символ справедливости

За Виктором Прониным давно закрепилось звание «народный мститель». Писатель уверен: его народные герои не творят самосуд. Они последовательно обращаются за помощью в милицию, прокуратуру, к властям – и везде получают отказ. Так, как правило, бывает в нашей нынешней жизни. Что остается? Смириться, стать хлипким изломанным спившимся старичком, ни на что не способным? Потерять навсегда свое человеческое достоинство? Стать быдлом, о чем и мечтают наши нувориши? Сколько раз мы видим по телевизору, как обнаглевшая дочка богатого чиновника сбивает насмерть людей и даже не выходит из машины – и оказывается невиновной.

В последних рассказах Пронина всегда присутствует не некий американизированный супермен, сверхгерой, а самый что ни на есть выходец из народа, будь то простой, обыкновенный, самый взаправдашний бомж, взявшийся за восстановление порушенной справедливости в серии рассказов «Мент и бомжара».

Книга состоит из тонких иронических детективных мистических новелл, героем которых является бомж из бывших интеллигентов. Он, замечая многие детали, которые не видны «приличным людям», легко раскрывает те преступления, которые не под силу раскрыть уголовному розыску. К примеру, находит на свалке женские пальцы и газету с каким-то адресом. Пусть Виктор не обижается, но он и есть тот самый вылитый бомжара. Характер срисован один к одному. Я рад, что саму идею бомжа-сыщика подарил ему я на одной из наших дружеских посиделок. Надеюсь, дождемся мы и телесериала про нашего бомжару. По крайней мере, идеей заинтересовались актеры Александр Панкратов-Черный и Владимир Ильин. Бомжара еще дождется своей популярности, не меньшей, чем у «ворошиловского стрелка». Пронин никогда не был бытовым писателем, сугубым реалистом. Он – тонкий мастер пера. У него свой – проницкий стиль письма, свои герои, своя манера диалога, свой психологизм, в конце концов, своя изощренная эстетика письма.

Впрочем, и сам писатель не похож на элитного автора детективов. Он тоже как бы – один из нас. И какой бы ни закручивался сюжет в рассказах из цикла «Мент и бомжара», в отсутствии государственной справедливости, при нежелании власть имущих защищать интересы своего народа, на защиту приходят самые подчас обездоленные, придавленные вниз самой жизнью, и... восстанавливают справедливость – всамделишные, непридуманные народные мстители. Автор и в жизни не раз попадал в трудные ситуации за свою защиту справедливости, но веры в людей не теряет. Его друг, прекрасный русский писатель, автор философской прозы Юрий Козлов очень верно характеризовал его прозу: «Книги Виктора Пронина – это становление, борьба и в конечном счете победа красивых человеческих характеров». Творческое кредо писателя можно сформулировать так: любой человек в этой жизни имеет шанс стать героем, проявить свои лучшие качества, состояться как личность. Поэтому читателям так интересны его произведения... «Мы все глядим в Наполеоны, двуногих тварей миллионы», – заметил великий Пушкин. Одна из вечных тем мировой литературы – преодоление в себе «твари дрожащей». Виктор Пронин последовательно, с живейшим интересом исследователя показывает, как идет данный процесс, как незаметный, затюканный начальством или женой, забитый жизнью среднестатистический человек становится ЛИЧНОСТЬЮ. Причем побудительный мотив к этому во всех произведениях Виктора Пронина всегда один-единственный: ТОРЖЕСТВО

СПРАВЕДЛИВОСТИ. А торжествует она, по мнению писателя, только тогда, когда герой готов пожертвовать ради нее жизнью.

Вообще, произведения Виктора Пронина – это блистательная коллекция типичных житейских ситуаций и жизненных коллизий. Отношения мужа и жены после десяти лет беспросветного супружества. Бунт детей против родителей. Дрянные, отравляющие жизнь соседи. Предательство тех, кто предавать не должен. Трусость храбрых и мужество «малых сих». На фоне таких вот узнаваемых, близких каждому читателю ситуаций разворачивается действие прониинских рассказов... Виктору Пронину удалось сохранить упругость и цельность стиля, жизненную достоверность сюжетов и характеров. Многие хорошие русские писатели, такие, к примеру, как Сергей Алексеев, канули в бездну рынка, выдавая «на-гора» пресловутый «строкаж». Пронин держит планку, остается верным самому себе...

Вот и в цикле рассказов «Мент и бомжара» главный герой – как бы один из нас. Житейские обстоятельства, как это часто бывает, заставили его продать квартиру, семьи уже у такого одинокого человека нет, работа тоже осталась в прошлом. Что остается? Грабить, убивать, действовать так же, как действовали его обидчики? Нет, до такого унижения наш герой не дойдет. Пусть он и живет где-то на свалке, в лачугах, но у него остается интерес к жизни. Остается ум математика, аналитика. Поначалу совершенно случайно помог простоватому, но вполне искреннему следователю расследовать дело, тем более что бомжара и сам что-то видел. Следователь оценил этот бесплатный дар, этого внимательного и дотошного помощника, и уже сам в сложных случаях обращается к бомжаре. Правда, помогая тому и где-то пристроиться, как-то наладить свою горемычную жизнь. Так что они и на самом деле – и по-человечески, и по-сыщицки – нужны друг другу. Бомжара как бы уже и не совсем таковой, если есть где жить, где спать. Следователь уже привыкает к нему и просто не может обойтись без его помощи. Как бы внимательно он ни всматривался в место происшествия или в труп жертвы, заметить какие-то вроде бы невидимые, неприметные детали он не в состоянии. А следователь привык уже быть на хорошем счету, уже прославился раскрытием обычно нераскрываемых преступлений. И ему без бомжары, как бы он над ним ни подтрунивал, не обойтись.

Виктор Пронин пишет не интеллектуальные детективы, не придуманные стрелялки, не занимательные расследования с круто закрученной интригой – он пишет рассказы о нашей нынешней криминальной жизни. Он пишет про нас с вами, про своих читателей. Его героев никто другой за него не напишет.

Хотя и сводить лишь к социальной прозе о российском беспределе я бы те же рассказы о бомжаре Виктора Пронина не стал. Он ведь еще и играет со своим читателем, не хуже Жоржа Сименона, не слабее Конан Дойля, он к жизненным ситуациям добавляет изобретательную игру, напрягает даже в историях с простым бомжарой мышление своих читателей. Вот потому он и не рвется на первые ряды бестселлеров, построенных на животных инстинктах.

Его бомжара сам, своей головой додумывается до очередного блистательного изобличения преступника. Он умнее многих телевизионных интеллектуалов.

В современной России наш традиционный детектив несет тройную нагрузку. Может быть, этим и объясняется его сверхпопулярность? Когда писатели серьезных жанров ушли кто в игровую постмодернистскую прозу, становясь неинтересными для своих былых читателей (примеры тому – Андрей Битов и Владимир Маканин), кто в ностальгию по прошлому, в плач по потерянной России (как Василий Белов, вспоминая утерянный деревенский лад), связь с реальностью наших дней долгое время сохраняли лишь мастера детективного жанра. То, что дело не только в самой привлекательности детективного сюжета, доказывает простой факт: читатели предпочитают отечественных мастеров самым именитым западным именам. Может быть, у тех и сюжет детективный покруче, и тайны позагадочней, но притягивают реалии нашей повседневной сумасшедшей жизни, наши характеры. Да и возможен ли реалистичный показ действительности наших дней без криминальных сюжетов? Все-таки Федор Достоев-

ский лишь выбирал ту или иную модель поведения Раскольников, остановившись на убийстве двух женщин, как на наиболее наглядном доказательстве безнравственности, надморальности любого сверхчеловека. Сегодня без убийства одного из героев книги, без осознанного нарушения закона, без наркомании, мошенничества, без катастрофы и трагедии невозможно убедительно и достоверно показать жизнь России и рождение новых национальных характеров. Примеры тому – фильмы Алексея Балабанова «Брат» и «Брат-2», задуманные совсем не как боевики; проза Александра Проханова или Захара Прилепина, Владимира Личутина или Павла Крусанова, поэзия Всеволода Емелина. Любой серьезный мастер прозы, обращаясь к нынешней реальности, с неизбежностью привносит в прозу элементы детектива (два убийства в романе Владимира Маканина «Андеграунд», убийство в повести Олега Павлова «Карагандинские девятины» и т. д.). Даже в философской прозе Юрия Козлова, в мистической прозе Юрия Мамлеева, в деревенской прозе Владимира Личутина мы прослеживаем детективную интригу, соприкасаемся с криминальной жизнью. Впрочем, можно ли писать правду о нынешней России без криминального сюжета? Это и будет надуманный постмодернизм. Современная социальная проза – это прежде всего детективная проза.

И третья функция нынешнего детектива, может быть, самая неожиданная для его авторов, – это сохранение традиций великой русской литературы. Пусть любой ученый-филолог перечислит все главнейшие традиции нашей словесности. Он их почти не обнаружит в потоке произведений лауреатов «Букеров», «Антибукеров», премий Андрея Белого или же Аполлона Григорьева. В так называемой серьезной литературе осуществляется попытка почти полнейшего разрыва со своими и советскими и дореволюционными предшественниками. Попытка уйти в другую культуру, в другую ментальность. И тот же ученый-филолог неожиданно для себя обнаружит соблюдение всех этих традиций в отечественной детективной прозе. Господство психологического реализма. Сострадание маленькому человеку. Повествовательность и стройное развитие сюжета. С неизбежностью, сохраняя чистоту жанра, детективный рассказ о бомжаре, не только сохраняющемся как личность, но и помогающем другим людям, становится отчетливо консервативным течением в современной словесности.

Неунывающий бомжара и впрямь становится в каком-то смысле символом нашей выживаемости в разрушаемом мире. Бомжара – это наш луч света в темном царстве чистогана и беспредела. Его сознание не коррупционно и светло. Может, президенту и премьер-министру в поисках русской надежды тоже обратиться к нашему выносливому и жизнерадостному герою?

Такие реальные традиционные детективные рассказы нынче пишет Виктор Пронин. Он никогда не скрывает свою народническую позицию, свою идеологичность. И это, как ни покажется странным, делает его прозу более устойчивой. Одновременно и злободневной и долговечной. Он народник не по политической принадлежности к тому или иному движению, не по роли, выбранной осознанно в литературном процессе. Не по жанру создаваемых им произведений, а по духу своему, по характеру и по призванию. Он всегда в своих книгах защищает человека из народа.

Кто еще из мастеров русского детектива заинтересовался бы бомжарой? Я горжусь, что рекомендовал ему такого героя, как Пушкин Гоголю сюжет «Ревизора». Но мало ли кому и что я мог бы рекомендовать. Надо, чтобы это было близко писателю... Николаю Гоголю. Или Виктору Пронину. Он приобретал свою популярность, минуя рекламу, минуя выход на телеэкран, минуя мир глянца и гламура. Его не раскручивали газетные критики. Его раскручивала сама проза, поначалу выходившая в грязноватых бумажных обложках, жестокая к миру зла, добрая к простому человеку.

Зло должно быть наказуемо, и, если ни закон, ни власть не в состоянии наказать зло, с неизбежностью вступает в действие сила народного отпора. Неотвратимость наказания за учиненное зло. В эту классическую формулу легко укладывается проза Виктора Пронина. Да он и не хочет отказываться от этой формулы. Ничто не мешает ему отдать в рассказах победу глав-

ному злодею, извращенцу, садисту; он сам не хочет отказываться от классической формулы ради моды или лишней популярности. Он сам хочет наказать зло. Он жутко несовременен, ибо всегда на стороне жертвы, всегда хочет наказать преступника. Может быть, за эту несовременность его и полюбил читатель? Виктор Пронин в нынешней России предпочитает следовать духу справедливости. Его совсем негероический герой похож не только на нынешних людей с улицы. Он похож и на негероические персонажи из классической русской литературы о маленьком человеке с улицы, о людях из подполья. Да и сам Виктор Пронин, на мой взгляд, является подобным народным персонажем. Простоватым, казалось бы, готовым на любой компромисс, далеким от любых героических поступков, но обладающим неистребимейшим чувством справедливости.

Когда автор слегка устал от своих «Банд», захотел отдохнуть от своего любимого следователя Пафнутьева и его отлаженной команды, умело делящей время между работой, выпивкой и другими чисто мужскими занятиями, он, может быть, с наибольшей легкостью и творческим вдохновением написал о том, что его по-настоящему волновало. Раскрыл перед нами свою душу нараспашку. Создал тех героев, каких сам ежедневно видел в жизни. В кассах и в буфетах вокзалов, откуда он едет каждый день на электричке в свою Немчиновку, в метро и на улицах, в простых забегаловках, где ему, холостяку, требуется перекусить и подзаправиться перед дорогой. В магазинной толчее и даже на тех самых свалках, где собираются бомжи. Уверен, не с одним из них Виктор переговорил по душам прежде, чем взяться за свою новую, для многих неожиданную, серию рассказов «Мент и бомжара».

Может быть, еще и потому читателю полюбились его книги, у Пронина справедливость в той или иной мере всегда торжествует. Жизнь показывается самая реальная, горя и бед хватает, герои не выдуманы – таких каждый день встретишь на улице, – но запас справедливости всегда прочен. Зазор между трагической реальностью и победой справедливости заполняется мечтой о народном мщении.

В этом прониномском творческом и житейском оптимизме и одновременно максимализме прочитывается внимательным читателем его постоянная тяга к романтизму. Казалось бы, я столько написал о народности героев Пронина, о его напряженной социальности, может даже приземленности в иных деталях быта, и вдруг – крылатый романтизм.

Романтизм в вере в людей, романтизм в обязательной победе добра, романтизм в отношениях героев, в возвышенной любви. Романтизм в самой его биографии. Работал себе в днепропетровском издательстве, уже что-то пописывал, – но в 1968 году съездил в Коктебель, и впечатленный Кара-Дагом, горой Волошина, поэтической аурой того времени, соединяющей и природную красоту, и литературный дух, он будто бы набрел сразу и на свой белеющий парус одинокий, и на свои алые паруса. Вернулся на работу, уволился и уехал на Сахалин с тремя рублями в кармане. Этой своей отвагой поразил сахалинских газетчиков, которые сразу же и взяли его на работу спецкорреспондентом. Прославился своими социальными очерками о жизни шахтеров, своими проблемными статьями, стал одним из ведущих сахалинских журналистов, объездил все труднодоступные места, спускался во все шахты, но... уже затягивала проза. Вышла первая книга к тому времени в Днепропетровске, но писателем себя почувствовал именно на Сахалине.

Романтизм помог ему сформулировать и свой кодекс чистых заблуждений, которому он старается следовать и доньше. «Я верю, что на белом свете есть любовь, бескорыстие, доброта, самоотверженность. Есть мужество повседневное – каждый день добросовестно выполнять свои обязанности». Это его постоянные сны о возможной реальной жизни. Жить без снов ему невозможно. В каком-то смысле и его народническая романтическая проза – это тоже сны о должной жизни. В каждом рассказе продолжение сна о народном заступнике, о народном мстителе. И, как положено в снах, главный герой он сам – писатель Виктор Пронин. Он – и следователь, он и бомжара, он и иной раз заложник. Он сам проживает все жизни своего героя,

стремясь возвысить его. Когда удачно, когда не очень, но он всегда стремится к величию своего замысла.

Разве в жизни кто-нибудь, от полицейского до прохожего, поверит в благородство замыслов сидящего рядом бомжа? Отодвинется от него подальше. Скорее, почти все еще и преувеличат его греховность и падение. И только наш Виктор Пронин, подобно раннему Максиму Горькому, будет описывать своих босяков, не стыдясь общения с ними, будет и «на дне» искать живительные силы для России.

Его рассказы о бомжаре покажутся иным фантастическими – круче, чем у братьев Стругацких, круче инопланетян. Но он всегда любит немного пофантазировать, помечтать вместе со своим героем. Эта новая ироническая фантазийная мемуарная проза была продолжена в последнее время неожиданными рассказами. И опять, как с циклом «Мент и бомжара», я рад, что стал причиной и поводом для одного из рассказов. Я часто езжу в Ирландию, где у меня преподает в университете старший сын, где живут внуки. Вот привез оттуда своеобразную ирландскую кепку с красным клинышком. Ирландцы эти свои фирменные кепки нигде в мире не продают. Хочешь носить – приезжай в Ирландию. Приглянулась эта ирландская кепка Виктору Пронину. Кстати, очень она ему идет. Подробности читатель прочитает в рассказе «Привет из страны Ирландии».

Думаю, такая лирическая проза с героями из жизни и будет определять новый период в творчестве мастера русского детектива Виктора Пронина.

В. Бондаренко

Бомжара

Убийство произошло как-то буднично, даже вроде привычно, будто ничего и не произошло. Накрапывал мелкий дождик, от которого никто не прятался, ковырялись в песочнице дети, на разболтанной скамейке сидели присматривающие за ними старушки, по соседней дороге, сразу за домом, проносились с шинным шорохом машины. Приближался вечер, и окна уже отблескивали красноватым закатом.

Подъехал на своем «Форде» Федя Агапов с третьего этажа – стремительный, поджарый, вечно куда-то опаздывающий. Бросив за собой дверцу машины, он на ходу, не останавливаясь, махнул старушкам рукой и быстро прошел к своему подъезду, взбежал по ступенькам. Кстати, с этих ступенек старушек уже не было видно, их закрывал обломанный кустарник. Так вот, в тот самый момент, когда Агапов уже готов был рвануть дверь на себя, его окликнул непонятно откуда возникший человек в легком коротковатом плаще.

– А, это ты, – проговорил Агапов и, отпустив дверь, шагнул со ступенек навстречу этому человеку.

– Неужели узнал? – спросил тот.

– Как не узнать...

– Тогда все в порядке. – И, откинув полу плаща, убийца поднял руку с пистолетом. Кармана в плаще не было, была только щель для кармана, поэтому ему легко было стрелять из пистолета с глушителем. Убийца выстрелил трижды и ни разу не промахнулся. Да и невозможно было промахнуться с двух метров – Агапов уже шел ему навстречу, протянув для приветствия руку.

Упал он молча, прямо на ступеньки, на ступеньках и замер. Выстрелов никто не слышал, раздались лишь сухие щелчки, которые можно было принять за что угодно – кто-то, может быть, палкой по забору ударил или бутылку из окна выбросил, на пластмассовый стакан наступил... Убийца быстро вышел мимо крыльца, свернул за угол, не оборачиваясь, проскользнул сквозь редкий кустарник и, оказавшись на дороге у машины, тут же отъехал.

И все.

Жизнь продолжалась – ковырялись в песке дети, неспешно судачили старушки, где-то в глубине двора колотили по столу доминошники – и за удары костяшек по фанере можно было принять почти неслышные выстрелы.

Капитан Зайцев сидел на деревянной скамейке, выкрашенной в синий цвет, и с тоской смотрел на ступеньки, на которых совсем недавно лежал несчастный Агапов. Труп сфотографировали и увезли, оперативники обшарили двор, нашли все три гильзы. Но радости от этого было мало – гильзы могли заговорить, когда будет найден пистолет, задержан убийца...

– Угости сигаретой, капитан, – услышал Зайцев. Механически достав пачку из кармана, он встряхнул ее и протянул человеку, который опустился на скамейку рядом с ним.

– Кури, – сказал он и только после этого посмотрел, кого угощает. И тут же невольно отодвинулся. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять – рядом расположился не просто бомж, а самый настоящий бомжара. Седовато-рыжая щетина, подбитый глаз, ботинки без шнурков на босу ногу, рубашка без воротника, затертый пиджак с коротковатыми рукавами.

– Спасибо, капитан, – невозмутимо проговорил бомжара и потянулся сигареткой к зайцевской, чтобы прикурить. Капитан вынул зажигалку и молча протянул бомжу. Тот спокойно взял зажигалку, не торопясь прикурить. Жест капитана, который, сам того не заметив, отшатнулся от бомжа, похоже, того нисколько не задел.

– Что старушки?

– Какие старушки? – не понял Зайцев.

– С которыми ты так долго и проникновенно беседовал... У песочницы. Видели что-нибудь?

– Ни фига они не видели и не слышали, – в сердцах сказал Зайцев и тут же спохватился: а чего это он рассказывает следственные подробности? – А вы, собственно, кто?

– Ваня.

– Что значит – Ваня?

– Этого достаточно. Меня все здесь знают как Ваню.

– А отчество? Фамилия? – требовательно спросил Зайцев.

– Да ладно тебе... Живу я здесь. В подвале. Иногда на поверхность поднимаюсь... Случается, сигареткой добрый человек угостит, вот как ты, например. Из невидимок я.

– Надо же!

– Есть, капитан, люди-невидимки, не сомневайся. Тебе бы с ними поговорить.

– Как же я с ними поговорю, если они невидимки? – Зайцева начинал забавлять этот разговор.

– Я вот невидимка. – Ваня взмахнул рукой и замер в позе, в которой обычно изображают греческих богов – величественность и утомленность от бестолковости человечества. – Вроде я есть, а вроде меня и нет. Вон в тех кустиках между гаражами у меня подстилка. Дневная. А ночью я в подвал спускаюсь. Пока меня здесь терпят. Почтальон опять же...

– Что почтальон? – с легким раздражением спросил Зайцев.

– Невидимка. Вот прошел он по двору, заглянул в каждый подъезд, а никто его не видел...

Почтальон. – И бомж опять замер, вскинув правую руку чуть вверх и назад, точь-в-точь, как это делали когда-то греческие боги. – Возьми дворника... Он на глазах у всего дома. Приходит, уходит, исполняет какие-то свои обязанности – другими словами, пользу приносит. Но его никто не видит, в упор не видит. Мы вроде как урны, мусорные ящики... Он на машине уехал.

– Кто? – резко повернулся Зайцев к бомжу, чутко уловив в его последних словах тот смысл, который ему был нужен.

– Убийца.

– Так, – крикнул Зайцев.

– Парик чуть не потерял. Так что длинноволосого тебе искать не надо. Пустое.

– Не понял!

– Когда он через кусты проходил, руку на голове держал... Боялся, что парик веткой сорвет.

– Так. Да ты, я смотрю...

– Дождь тогда шел, – перебил бомж невозмутимо. – Совсем небольшой дождь. Даже зонтик не было надобности раскрывать.

– А одет? Во что он был одет?

– Неважно одет... Какой-то плащик, без карманов опять же...

– Слушай, Ваня. Говори толком! Что значит – без карманов? Не бывает плащей без карманов!

– Бывают, – тяжело вздохнул бомж и поднялся со скамейки, видимо, устал от непонятливости капитана. – Срезал он карманы, срезал. Чтоб удобнее пистолет под плащом держать, чтоб глушитель не мешал... Усек? Сигареткой-то еще угости, а?

Но Зайцев, увлеченный открывшимися перед ним возможностями, даже не услышал этой негромкой просьбы. Сорвавшись с места, он помчался в свои следственные полицейские коридоры отдавать приказы, составлять планы перехвата и производить другие важные следственные мероприятия.

– Ну-ну, – сказал, глядя ему вслед, Ваня и тяжелой неторопливой походкой направился к железным гаражам, между которыми он и втиснул свой тюфяк, подобранный как-то у мусорных ящиков.

На следующее утро капитан Зайцев примчался во двор, не скрывая своего нетерпения. Он тут же бросился к гаражам, но в знакомой щели бомжа не было. В беспомощности оглянулся по сторонам – старушки были на месте, у песочницы.

– Где Ваня? – спросил он, подходя.

– Ваня? – удивились старушки.

– Ну, бомж! Бомжара ваш родной! Где он?

– Неужто натворил чего? – опасливо спросила старушка побойчее.

– Пока нет, только собирается. Так где же он?

– Может, в подвале?

– А как попасть в подвал?

– Это только Ваня знает, – рассудительно заметила старушка. – У него туда свой ход, свой выход... Вряд ли кто вам подскажет. Дождаться надо.

Бомжа Ваню Зайцев нашел возле продуктового магазина. Тот сидел в сторонке на траве, не решаясь расположиться на скамейке, будто заранее признав, что скамейка не для него – скамейка для людей порядочных и законопослушных. Ваня пил молоко из надорванного пакета и закусывал булкой, отрывая от нее ломти и, не торопясь, отправляя их в рот.

– А, капитан! – сказал он улыбочиво. – Присаживайся! – И гостеприимно похлопал ладошкой по траве. Зайцеву ничего не оставалось, как присесть рядом.

– Как успехи? – спросил Ваня. – Поймал?

– Кого?

– Убийцу.

– Нет. – Зайцев помолчал. – А ведь ты не все мне вчера сказал.

– Ты так торопился, капитан... Угощайся. – Бомж протянул Зайцеву пакет с надорванным уголком.

– Спасибо. Сыт.

– Как знаешь. – Запрокинув голову, Ваня влил в себя большой глоток молока. Потом как-то неожиданно перестал жевать и задумался, уставившись в пространство. – Законы мести, – произнес он странные слова и опять все свое внимание обратил на пакет с молоком и растерзанную булку.

– Продолжай, Ваня, – терпеливо сказал Зайцев.

– Есть, капитан, законы мести... Человек подчиняется этим законам, даже не зная об их существовании. Они выше нашего понимания. Они сильнее нас. И справедливее, хотя, как мне кажется, не все со мной согласятся. – Бомж взмахнул рукой с зажатой в кулаке булкой и замер на какое-то время в позе греческого бога.

– Вчера ты что-то говорил про дождь, – напомнил Зайцев.

– Дождь – это очень важно, – кивнул бомж, – может быть, это самое важное обстоятельство... Хотя и не все одобряют ход моих мыслей. Да я, собственно, к этому и не стремлюсь.

– К чему? – чуть было не сорвался Зайцев.

– К тому, чтобы все со мной соглашались. Это плохо, когда все головами кивают.

– Почему?

– Потому что во всеобщем согласии обязательно присутствует лукавство. Невозможно такое, чтобы все во всем были едины. Ведь люди-то разные. – Взгляд бомжа опять остановился, устремленный в пространство. – А дождь – это хорошо, я люблю дождь, хотя последнее время он доставляет мне много хлопот. Но так было не всегда.

– Так что дождь?

– Во время убийства шел дождь.

– И о чем это говорит?

– Это говорит о том, что невозможно предусмотреть все. Предусмотреть все не может никто. – Бомж помолчал. – Но пару ударов я в своей жизни все-таки пропустил, пару хороших таких ударов. Можно сказать, подлых.

– И в результате? – Зайцев решил вытерпеть этот разговор до конца.

– А результат, капитан, ты видишь перед собой. – Бомж снова, в который уже раз, вскинул правую руку вверх, отнес ее чуть назад. – Плохой результат. Отрицательный. Но самое печальное в том, что он окончательный. Как говорят в ваших кругах, обжалованию не подлежит.

– Это плохо, – сочувственно вздохнул Зайцев. – Так что дождь?

– А, – оживился Ваня. Он, не отряхиваясь, поднялся, бросил в урну пустой пакет из-под молока и улыбочиво обернулся к Зайцеву, все еще сидевшему на траве. – Пошли, покажу, – и поплелся к дому, у которого сутки назад произошло убийство.

Зайцев пошел следом. Он уже убедился, что любое его слово, замечание вызывает у бомжа какой-то странный поток рассуждений, и каждый раз в самую неожиданную сторону. Но в то же время Зайцев видел, что мысль бомж держит. Вот и сейчас случайно брошенные слова о дожде как-то откликнулись в сумеречном сознании этого странного человечка.

– А раньше ты чем занимался? – спросил Зайцев, когда молчать уже стало невозможно.

– Цефеиды, – ответил бомж и ничего больше не добавил.

Зайцев это слово слышал впервые, но уточнять ничего не стал, опасаясь, как бы его вопросы не увели Ваню в сторону.

Бомж шел впереди, заворачивая носки ботинок внутрь, Зайцев шел сзади, маясь от неопределенности. Так они вошли во двор, миновали крыльцо, на которое рухнул пронзенный тремя пулями Федя Агапов, свернули за угол, прошли сквозь жиденький кустарник и оказались на проезжей части.

– У убийцы легкая походка, – сказал бомж, глядя в асфальт под ногами.

– Ишь ты, – это все, что мог ответить Зайцев.

– Опасность деяния придает телу легкость, способность передвигаться быстро и бесшумно. – Ваня старательно высматривал что-то на асфальте и наконец остановился, увидев то, что искал.

– Вот здесь, – сказал он и ткнул пальцем себе под ноги. Зайцев молчал. – Здесь стояла его машина.

– Чья машина?

– Убийцы. Он оставил ее здесь, а сам прошел во двор. Накрапывал дождь, небольшой такой дождь...

– Да, я помню.

– А машина стояла здесь. И под ней образовалось сухое пятно на асфальте. Границы пятна я отчеркнул куском кирпича. Вот мои черточки. Если у тебя, капитан, под подозрением будут десять машин, то по размеру сухого прямоугольника ты всегда можешь выбрать одну.

– Разумно, – кивнул Зайцев. – Но у меня под подозрением нет ни одной машины.

– Это плохо, – огорчился бомж.

– Но за помощь спасибо.

– А ты не торопись, капитан, смеяться. Смеяться – оно нетрудно. Я тоже в свое время весело смеялся. Можно даже сказать – заразительно. А то и безудержно. И пропустил пару ударов. До сих пор продохнуть не могу. Дышу теперь наполовину... на большее сил не хватает. Да и не хочется. Дышу и дышу. – Устав от длинной речи, бомж сел на бордюр и похлопал ладошкой по бетонному блоку, приглашая Зайцева присесть. Зайцев сел на бордюр с тяжким вздохом.

– Убийца здесь не живет, – продолжал бомж. – Он этих мест не знает. Если бы знал, вел бы себя не так. Но, с другой стороны, законы мести диктуют свои условия, иногда они просто вынуждают человека поступать опрометчиво.

– Надо же, – откликнулся Зайцев.

– Видишь, капитан: мы сидим на бордюре, а твоего затылка касаются веточки кустарника. Касаются?

– Касаются.

– Раньше здесь, вдоль кустарника, проходил забор. Какой-то хозяйственный мужик из этого дома забил железные уголки и натянул на них проволоку. Сечешь? Чтобы машины не заезжали на траву, чтобы глупые пешеходы не вытаптывали кустарник...

– Понимаю, – перебил Зайцев.

– Не менее хозяйственные мужики проволоку давно сорвали, уголки повывергивали... Но некоторые остались. Когда мужик эти штыри кувалдой в землю забивал, уголки в месте удара сплющивались и на срезе возникали такие отогнутые острые лепестки. Понимаешь, о чем я говорю?

– Стараюсь, – сучая, ответил Зайцев.

– Это хорошо. Так вот, кустики разрослись и скрыли оставшиеся штыри. Со стороны дороги они не видны.

– И? – теряя терпение, произнес Зайцев.

– И человек, который решит оставить машину у обочины, человек, который решит плотнее прижаться к бордюру... для безопасности... – пояснил бомж. – Так вот, он может запросто машину свою об этот острый металлический лепесток оцарапать.

– И?

– И на столбике в таком случае останутся следы краски, в которую выкрашена машина. А на машине, в свою очередь, останется царапина. С правой стороны. – Подобрал какой-то прутик, бомж бездумно водил им по асфальту, рисуя на пыли наплывающие друг на друга круги. – Это цефеиды, – пояснил он Зайцеву, указывая на свой рисунок.

Но капитан его не слышал. Некоторое время он сидел, совершенно окаменев, глядя прямо перед собой на проносящиеся мимо машины, потом порывисто встал, вернее сказать, вскочил и начал быстро-быстро обшаривать кусты.

Он сразу нашел столбик, о котором говорил бомж. Осторожно отведя ветки, наклонился и увидел, все-таки увидел еле заметную желтую полоску на ржавом металлическом уголке.

– Боже! – потрясенно прошептал Зайцев. – Ведь и на машине осталась царапина!

– На правой стороне, – без выражения подтвердил бомж, поднимаясь. – Будь здоров. – И, заворачивая носки разбитых ботинок внутрь, он поковылял к своей щели между гаражами. Его подстилку последнее время облюбовали дворовые собаки, но бомжа это не огорчало. Случалось, он даже не прогонял их, просто просил потесниться, и те прекрасно его понимали. Но Зайцев, увлеченный находкой, даже не нашел в себе сил ответить, только махнул рукой – дескать, и ты будь здоров.

Прошло несколько дней. Зайцев сразу нашел бомжа между гаражами. Ваня лежал, свернувшись калачиком, а у ног его пристроилась какая-то дворняга. Бомжу было неудобно, он подтягивал к себе коленки, но собаку не прогонял и смотреть на мир тоже, видимо, не желал. Зайцев постоял некоторое время в раздумье, не зная, как поступить.

– Здравствуй, Ваня! – сказал он громко и внятно.

Бомж пошевелился, повернулся и все так же, с подтянутыми к подбородку коленями, изловчился повернуть голову и взглянуть на пришельца.

– А, – прокряхтел он, стараясь приподняться и сесть на своей затертой подстилке. Это ему удалось, но не сразу. Собака, видимо, зная отношение к себе, даже не подумала отойти в сторону. – Ты его поймал?

– Нет.

– Это плохо. Убийц, даже таких, все равно нужно отлавливать.

Зайцев молчал. Что-то в словах бомжа показалось ему странным, что-то не вписывалось в привычное понимание.

– Садись, капитан. – Осторожно сдвинув собаку в сторону, бомж привычно похлопал ладошкой по теплому еще месту на подстилке. Зайцев поколебался, оглянулся по сторонам – не видит ли кто его позорища, но все-таки сел, брезгливо подвинувшись от того места, где только что лежала собака.

– Как-то непонятно ты выражаешься, – проворчал он. – «Даже таких убийц надо ловить...» Каких – таких? Он что, лучше всех прочих?

– Конечно, – ответил бомж.

– Почему?

– Мне кажется, что у него... нравственность.

– Ни фиги себе! – воскликнул потрясенный Зайцев. – Всадить человеку в грудь три пули, оставить вдову и трех сирот... И после этого ты говоришь о нравственности?!

– Угости сигареткой, капитан, – миролюбиво сказал бомж.

Зайцев вынул пачку, вытряхнул наружу кончик сигареты, но тут же спохватился и протянул бомжу всю пачку.

– Бери, – сказал он. – Кури.

– Ну вот, ты и расплатился со мной.

– За что?

– За наши милые беседы.

– Ну, ты даешь, Ваня!

Затянувшись несколько раз, вежливо выпуская дым вверх, бомж уставился в ржавую стену гаража, которая простиралась прямо перед его глазами. Вряд ли он видел перед собой металлический лист, и слова, которые он произнес, подтверждали это предположение:

– Скажи, капитан... Тебе приходилось мстить?

– Что?!

Бомж снова затянулся сигаретой.

– Я, конечно, пропустил в своей жизни пару ударов, пропустил... И знаешь, они давали мне право пустить пулю в лоб тому или иному... Но сплеховал. Слабину дал. А надо было, ох, надо... Результат ты видишь. Нельзя в таких случаях... Нельзя.

– Что «нельзя»?

– Слишком долго думать.

– А что надо? Стрелять?!

– Да, – спокойно кивнул бомж. – Именно так. Стрелять. Пуля – дура, сказал Александр Василич... но исполнительная дура. Не надо ей мешать. Пусть она делает то, что ей положено, для чего, собственно, она и предназначена. Справится.

– Ваня! – громко сказал Зайцев. – Что-то ты не в ту степь!

– Нет, – бомж покачал немытым указательным пальцем из стороны в сторону. – Это ты, капитан, не из той степи пришел. Мсть – святое дело, у мести свои законы, и они ничуть не слабее твоих, капитан. Твои придуманы, навязаны, а законы мести складываются сами. Как вырастают горы при землетрясениях, как наполняются океаны, как наступает рассвет... Или закат.

– Не о том мы с тобой, Ваня, говорим. – Зайцев сделал попытку направить бомжовую мысль в нужную для себя сторону.

– Нет, капитан, – твердо произнес бомж и взглянул на Зайцева каким-то новым, незнакомым взглядом – острым, ироничным, почти насмешливым. – Мечь обязательно должна быть сильнее нанесенной обиды, нанесенного оскорбления. Посеявший ветер пожинает бурю. Мечь предполагает, что жертва должна знать, откуда удар, за что, кто его наносит, – это закон. Безымянной, анонимной мечь быть не может. Обидчик обязан знать, кто его наказывает, иначе это не мечь.

– Видишь ли, Ваня...

– погоди, – жестко сказал бомж, и Зайцев понял, что нисколько не знает этого человека. Перед ним сидел не безвольный, сдавшийся бомжара, потерявший себя и человеческий облик. – Мечь не имеет срока давности. Десять лет пройдет, двадцать – обида не исчезает, она окаменеет. И становится вечной – до тех пор, пока сам обидчик помнит о ней, она возможна и необходима. Что, собственно, и произошло, – устало закончил бомж.

– Если обида может быть вечной, если мечь возможна и через двадцать лет, что же тебе мешает ответить на те удары, которые ты получил?

– А духу нету, – весело рассмеялся бомж, разведя руки в стороны. – Дух, капитан, вышел, нету его. А в нашем случае, – бомж кивнул в сторону ступенек, – дух сохранился.

Зайцев молчал некоторое время, прикидывая, какой вопрос сейчас уместнее задать, и вдруг до него дошло, что вопрос ему уже подсказан.

– Ты хочешь сказать... – начал было Зайцев, но бомж решительно его перебил.

– Да, – отрывисто сказал он. – Это была мечь. Убитый и убийца знали друг друга. И давно. Они должны были встретиться, должны были пересечься. В прошлом году, в этом, в будущем... Что, собственно, и произошло, – повторил он.

– Не исключено, конечно, – вяло протянул Зайцев, и эти его слова, кажется, задели бомжа.

– Они хорошо знали друг друга, убитый и убийца. Они встречались раньше, не знаю, что встало между ними – женщина, карьера, деньги... А что еще может быть? – доверчиво спросил бомж. – А больше ничего нет. Нет больше ничего, что давало бы право стрелять. Я видел, как это произошло. Они обменялись какими-то словами. Убийца мог все сделать гораздо проще и безопаснее для себя, он мог выстрелить ему в голову, когда тот еще сидел в машине, – стекло было опущено. Но он этого не сделал. Ему важно было, чтобы Агапов узнал его, чтобы Агапов понял, кто его убивает. Для убийцы это было важнее всего, именно это, капитан. Знаешь, что я тебе скажу... Я вот что тебе скажу... Я тебе такое скажу...

– Внимательно тебя слушаю, – пробормотал Зайцев, потрясенный непробиваемой логикой бомжа.

– Ты что-то говорил о вдове... Так вот, если ты пойдешь к ней... В семейных фотоальбомах можешь увидеть убийцу – не портрет, нет, хотя и это не исключено. Скорее всего, ты увидишь его на общих снимках, где-нибудь рядом, сбоку, за спинами других людей. Но ты встретишься с ним взглядом. И вы поймете друг друга. А вдова... Вдова сама назовет его имя.

– Думаешь, я его узнаю?

– Ха! Он тебя узнает. Поговори со вдовой. Какие вопросы задать, как истолковать ее ответы, ты знаешь лучше меня. Вас, наверно, этому учат... Да, а что с поцарапанной машиной?

– Нашли. И царапину на ней нашли... Но пользы от этого мало – угнанной оказалась машина. Хотя отпечатки пальцев остались, хорошие отпечатки.

– Пригодятся?

– Когда будет кому эти отпечатки предъявить.

– Ну ни пуха, – сказал бомж и как-то легко, естественно упал на бок, подтянул колени к подбородку, закрыл глаза и затих.

Посидев некоторое время рядом, Зайцев поднялся, отряхнул штаны и направился к выходу со двора. Оглянувшись, он увидел, что собака снова подошла к бомжу и, потоптавшись, улеглась у его ног.

Они снова встретились через несколько дней. Зайцев нашел бомжа на дальней скамейке в глубине двора. Уже знакомая ему собака лежала рядом, свернувшись на опавшей листве. Сам бомж вытянулся на скамейке и, закинув руки за голову, смотрел в ясное небо светлыми пьяными глазами. Возле скамейки, аккуратно приставленная к ножке, стояла наполовину опорожненная бутылка портвейна. Услышав шаги, бомж повернул голову. Узнав капитана, медленно приподнялся, сбросив ноги со скамейки.

– Садись, капитан... Выпить хочешь?

– Хочу, но не буду. День впереди.

– Это правильно, – одобрил бомж. – А я выпью. – И, нащупав бутылку под скамейкой, он запрокинул голову и отпил несколько глотков. – Ну, давай, рассказывай.

– А чего рассказывать-то?

– Как жизнь протекает. Вот у меня, например, она вытекает. Как из дырявой посуды.

– Это плохо, – сказал Зайцев.

Откинувшись на спинку скамейки, бомж смотрел в небо с таким напряженным вниманием, будто видел что-то важное для себя, будто происходили там события, которые имели к нему прямое отношение. Не выдержав, Зайцев тоже посмотрел в небо, но не увидел ничего, кроме редких белых облаков на блекло-синем, уже почти осеннем фоне.

– Я немного поддал, – проговорил бомж. – У меня такое ощущение, будто сегодня какая-то дата... То ли день рождения, то ли еще что-то печальное... Вспомнить не могу, поскольку не знаю, какое сегодня число... Но ощущение в теле есть... А у меня дети были, прекрасные дети... Красивые, умные, любящие...

– Что же с ними случилось?

– Ничего. Выросли. Повзрослели. Наверно, где-то живут... Радуются, грустят, плодятся... Ты его поймал?

– Поймал, – кивнул Зайцев.

– Сопrotивлялся?

– Нет.

– Отпирался?

– Нет.

– Из прошлой жизни пришел?

– Да, ты был прав.

– В альбоме нашел его мордашку?

– Нашел.

– Агапов его обидел?

– Да.

– Женщина? Деньги?

– И то и другое.

– Значит, он тоже пропустил пару ударов...

– Кто?

– Убийца.

– Да, – кивнул Зайцев. – Послушай... А кто такие цефеиды?

Бомж резко повернулся к Зайцеву, с пьяной пристальностью долго смотрел ему в глаза, словно заподозрил, что тот смеется над ним. Но эта гневная вспышка, видимо, съела последние его силы.

– Образования, – ответил бомж, сникнув.

– Какие?

– Небесные.

– Ты их забросил?

– Страна их забросила. Они оказались не нужны этой стране. Развалинам мало что нужно.

– А прежней стране они были нужны?

– Да! – неожиданно заорал бомж. – Да! Позарез! Понял?! Позарез! – На этот раз в голосе бомжары явно звучал металл.

– Вот так! – И он полоснул себя ладонью по горлу. – Позарез! – И вдруг тяжело, прерывисто задышал, прижав немые кулаки к глазам. Зайцев был потрясен – бомж рыдал. Он все время пытался что-то сказать, но слова не шли наружу. Наконец ему удалось произнести нечто внятное.

– Снятся, – выдавил он из себя.

– Кто снится?

– Цефеиды.

– Они тебя любят? – растерянно спросил Зайцев.

– Я их люблю, – твердо и внятно произнес бомж. – Я.

– Это хорошо, – кивнул Зайцев, совершенно не представляя себе, что еще можно сейчас произнести.

Мимо прошли парень с девушкой, молча поднялась и ушла собака, чуть поодаль на такой же скамейке расположились два мужика. Не произнося ни слова, распили бутылку водки, закусили хлебом, колбасой и тоже ушли. Зайцев и бомж все это время сидели на месте и смотрели в пространство.

– Нас всех разогнали, но бомжарой стал только я... Видимо, послабее оказался. Хотя вся группа на мне держалась. Идеи, доклады, публикации... Пустое все это, пустое.

– Слушай, может быть, я смогу что-нибудь сделать для тебя? – спросил Зайцев.

Бомж помолчал.

– Знаешь, капитан, – сказал он, оживившись. – Если можешь, будь добр, принеси мне пакет молока, а то у меня в кармане ни фиги... Только... это... не бери жирного... От жирного я полнею.

P.S.

Цефеиды – загадочные двойные звезды, изредка встречающиеся во Вселенной. Соприкасаясь, они тем не менее не сливаются и вращаются вокруг общего центра. Объяснить их природу ученые пока не могут.

Опять бомжара

Все началось, как это всегда и бывает, на ровном месте, из ничего или, точнее сказать, с сущего пустяка. Евгений Леонидович Тихонов вернулся домой чуть позже обычного, позже ровно на одну кружку пива, которую он выпил по дороге с приятелем, присев у какого-то столика в каком-то сквере. Пиво оказалось достаточно острым, достаточно холодным и на вкус не слишком уж отвратным. Нормальное пиво. Выпили с пакетиком соленых сухариков, молча выпили, не о чем было говорить. Работал Тихонов на автобазе механиком, его приятель тоже работал на этой же автобазе и тоже механиком.

Рабочий день закончился, солнце садилось между домами, прохожие неслись куда-то по дурацким своим делам, и оба механика молча и бездумно потягивали пиво, время от времени бросая в рот брусочки соленых сухариков.

- А ничего пиво, – сказал Тихонов.
- Вполне, – ответил приятель.
- Сейчас домой?
- А куда же еще...
- Я тоже.

Такой вот разговор, если его можно назвать разговором. Правда, промелькнули все-таки слова, в которых при желании можно было услышать какой-то смысл, хиленький такой смысл, но все-таки хоть что-то...

- Может, на рыбалку в выходной?
- Можно.
- В Михайловку?
- Сговоримся, время есть.

Тут даже неважно, кто из приятелей какие слова произнес. Каждый из них мог произнести любые из этих слов. И на рыбалку они могли поехать, а могли и не поехать – их уговор, если это можно было назвать уговором, тоже не имел никакого значения. Жизнь у обоих протекала однообразная, скучная, унылая, и ничего в ней, в этой жизни, особенно не затрагивало ни одного, ни другого. И эта вот кружка пива после работы по дороге домой была для каждого, в общем-то, самым ярким впечатлением дня.

- Может, еще по одной? – предложил Тихонов.
- Да нет, не хочется, – отказался приятель.

Посидев еще некоторое время перед пустыми кружками, они как-то одновременно почувствовали момент, когда можно подняться и уйти. Так они и сделали. Выйдя из сквера на асфальтированную дорожку, они оба одновременно и молча махнули друг другу руками и разошлись в разные стороны. До утра, когда они снова увидят друг друга в проржавевшей мастерской, забитой забарахлившими машинами.

Открыв входную дверь квартиры, Тихонов шагнул в темную прихожую и тут же, споткнувшись обо что-то, почти грохнулся на пол, но успел, расставив руки в стороны, ухватиться за куртки, висящие на вешалке. Он чертыхнулся, оглянулся и увидел, что споткнулся о ящик из-под посылки – младший сын играл с этим ящиком, воображая его машиной, каретой, клеткой для кота и вообще всем, чем только угодно. В сердцах Тихонов поддал этот ящик, выбросив его на середину комнаты.

Средний сын, сидя на диване и положив на колени гладильную доску, делал уроки, старшая дочь пристроилась у подоконника – с чем-то она там возилась. Может, уроки делала, может, записки кому-то писала. Да, она была в том возрасте, когда юные девушки уже начинают писать тайные свои записки.

- Так, – сказал Тихонов и пошел на кухню.

Жена Зинаида смотрела телевизор. Молча, неотрывно, с совершенно пустыми глазами, поскольку ничего она в эти минуты на экране не видела, а там невероятной красоты женщина показывала блестящие, струящиеся свои волосы, лодыжки, коленки, подмышки и все остальные потрясающей красоты выпуклости и впадины, которые, собственно, и создавали впечатление жизни достойной, прекрасной и совершенно недоступной.

– А ящик в чем виноват? – спросила Зинаида, не отрывая взгляда от экрана.

– А ни в чем, – ответил Тихонов.

– Ну и нечего, – равнодушно произнесла жена. – Тоже еще...

Когда-то, лет пятнадцать назад, Зинаида имела соблазнительный носик, который вполне можно было назвать вздернутым, в моде были такие носики, ими обладали знаменитые актрисы, певицы и даже победители конкурсов красоты. Но сейчас на Тихонова смотрели с лица жены только две круглые дырки – все, что осталось от вздернутости.

Да, ребята, да! Тихоновы жили в однокомнатной квартире. Комната около восемнадцати метров, кухня – меньше пяти, туалет и ванная совмещены, балкон не достигал и двух квадратных метров, а остальное нетрудно себе вообразить. В таких случаях, как известно, жизнь определяет не характер жильцов, не их воспитание или образование, жизнь определяет количество квадратных метров, именно вокруг этого вертятся все разговоры, мечты и надежды, и даже исчезнувшую вздернутость носика Зинаиды тоже можно поставить в вину этим злосчастным метрам.

Бывает, что делать, что делать...

– Как прошел день? – спросила Зинаида, глядя на радужные рекламные картинки на экране.

– Нормально. – Тихонов присел на табуретку, с трудом втиснувшись между столиком и холодильником.

– Случилось что-нибудь радостное?

– Пиво с Колей выпил по дороге.

– Хорошее пиво?

– Среднее.

– Принес бы бутылочку.

– А мы разливное пили.

– Ну, что ж... Главное – было бы что ответить. Родня звонила. Приветы тебе.

– Чья родня? – Тихонов тоже включился в телевизионную рекламу. Яркие картинки и разноцветные блики проносились по лицам супругов одновременно, делая их неразличимо похожими друг на друга. Конечно, Зинаида дерзила в разговоре, конечно, давала понять, что Тихонов что-то там не сделал, в чем-то провинился, в чем-то перед ней если и не виноват, то укорить его все равно есть за что.

– Не моя же! – дернула плечом Зинаида и уселась поудобнее на кухонной табуретке с подкашивающейся ножкой.

– И что?

– Интересовались.

– Чем?

– Нашей с тобой жизнью.

– И что ты сказала?

– Я спросила, долго ли они еще собираются жить на этом свете.

– А они?

– Говорят, пока не торопимся. Послушай, Женя... Два старика живут в трехкомнатной квартире. А ты, их ближайший родственник с семьей из пяти человек, в однокомнатной. Не кажется ли тебе, Женя, что они могли бы предложить нам поменяться квартирами?

– Так не делается.

– Почему? Женя, почему?

– Потому.

– Когда им что-то нужно, ты ведь несешься.

– Не так-то я уж и несусь.

– А Катя замуж собралась.

– Надо же!

– Но жить им негде. И так будет всегда. А мужики наши подрастают. А мы с тобой стареем. А спать нам с тобой негде.

– Спим же...

– Так муж с женой не спят. Муж с женой спят совсем иначе. Я уже забыла, какой ты. А ты забыл, какая я. – Зинаида все так же неотрывно смотрела в экран телевизора, и разноцветные блики все так же проносились по ее лицу, создавая игру бликов радостную, почти карнавальную.

– Ты права, Зина.

– А ты не прав. Так нельзя.

– А как можно?

– Как угодно. – Последние слова Зинаида произнесла совершенно без всякого выражения. – Как угодно, – повторила она. – Здесь не может быть никаких сомнений, колебаний, раздумий и прочего дерьма. На кону жизнь твоих детей, Женя. Они уже сейчас убогие какие-то. К ним никто не может прийти. Поэтому и они ни к кому не ходят. Они никогда не поднимутся. У них характер людей, выросших в однокомнатной квартире с совмещенным санузлом.

– Сейчас многие ломают перегородки между туалетом и ванной, на Западе вообще этих перегородок не делают, – усмехнулся Тихонов. – Появляется больше места.

– Подумай, Женя, о том, что я сказала. Это не настроение сегодняшнего дня... Это настроение последних десяти лет.

– Мы с Колей на рыбалку собрались.

– Значит, будем с рыбой.

– В эти выходные и поедем.

– Возьми пацанов с собой.

– Возьму.

– Мы с Катей хоть дух переведем.

– Переведите. – Тихонов встал, подошел к газовой плите, открыл крышку кастрюли – на него дохнуло запахом тушеной картошки. – О! – обрадовался он. – Что же ты молчишь?!

Следователь Зайцев еще раз обошел всю квартиру, заглянул в ванную, в туалет, внимательно осмотрел все три комнаты и с тяжелым вздохом опустился на старенький продавленный диван. Перед ним почти у его ног лежали два трупа – старика и старухи. Старика выстрелили в затылок, и выходное отверстие полностью обезобразило лицо. Старуха получила свою пулю в спину. Было это немного странно, но не настолько, чтобы сразу можно было понять – что же здесь, в конце концов, произошло.

Зайцев еще раз окинул взглядом комнату. Тела были распростерты на полу, скатерть со стола тоже была сдернута на пол, вокруг лежали тарелки, блюда, недопитая бутылка водки, из которой, кажется, даже сейчас продолжала вытекать прозрачная жидкость, из стенки были выдернуты все ящики, их содержимое было разбросано по полу – видимо, убийца что-то искал, что-то его интересовало в этих ящиках. А что можно искать в квартире двух стариков? Зайцев похлопал по дивану ладошкой, ощупал выпирающие пружины и беспомощно вздохнул.

– Ни фиги не понимаю, – сказал он. – Как говорил какой-то классик, ум меркнет.

– Разберемся, – ответил эксперт с фотоаппаратом.

Он уже отщелкал, наверно, целую пленку, заходя с разных сторон к распростертым телам хозяев.

– Что отпечатки? – спросил Зайцев.

– Есть отпечатки, капитан. Есть.

– Хорошие?

– Разные.

– Это как понимать?

– Смазанных много. Как говорят ученые люди – не поддающиеся идентификации.

– А так бывает? – вежливо поинтересовался Зайцев – пустоватый разговор был ему неинтересен.

– Все бывает, капитан, все бывает. – Эксперт тоже разговаривал как-то механически, слова произносил первые, какие только подворачивались. – Отпечатки есть, но бесформенные. Убийца был в перчатках.

– Значит, не бытовуха, – пробормотал Зайцев.

– Какая бытовуха, если в затылок стреляют! – хмыкнул эксперт. – При бытовухах ножом полосуют, топором, вилкой... А тут все грамотно, продуманно, можно сказать.

– А почему в затылок? – уныло спросил Зайцев.

– Есть только один человек, который ответит тебе на этот вопрос. – Эксперт оторвался наконец от видеоискателя фотоаппарата. – Помнишь, ты как-то общался с одним бомжарой? Удивительной проницательности человек... Помнишь? Бывший звездочет или что-то в этом роде.

– Да какой бомжара, господи! – простонал Зайцев. – Только бомжары здесь и не хватало. Тогда все происходило у него на глазах, много ума не надо.

– Не знаю, не знаю, – с сомнением проговорил эксперт, сворачивая свою аппаратуру. – Но вспомнился мне тот мужичок, вспомнился. А, капитан? – Эксперт, полноватый парень в очках, весело выглянул уже из коридора. – Ты помнишь двор, в котором бомжара обитает?

– Помню, – хмуро ответил Зайцев. – Соседи ничего не видели, не слышали, отпечатки смазаны, а те, что остались, наверняка принадлежат хозяевам.

– Конечно! – откликнулся эксперт.

– Когда все это произошло, тоже можно только догадываться, только предполагать, – продолжал причитать Зайцев. – Что искали, что нашли, зачем было убивать... А ты говоришь – бомжара... Какой бомжара! – ворчал Зайцев, наблюдая, как санитары выносят трупы несчастных стариков.

На этот раз бомжа Ваню Зайцев нашел в подвале дома, возле которого когда-то произошло убийство предпринимателя. Ваня лежал на задрипанной кушетке, подобранной, скорее всего, на соседней свалке. Закинув руки за голову, он бездумно смотрел в бетонный потолок. Сквозь зарешеченное окно в подвал проникал слабый свет, но Зайцев, уже успев привыкнуть к полумраку, сразу увидел Ваню и, подойдя, присел на перевернутый деревянный ящик.

– Здравствуй, Ваня, – сказал он громко и внятно. Бомж чуть вздрогнул от неожиданности, повернул голову, долго всматривался в капитана и наконец узнал.

– А! – сказал он даже с некоторым облегчением. – Явился – не запылвился... Давно я тебя не видел, заглянул бы как-нибудь.

– Вот и заглянул.

– Это хорошо... Как там, в большом мире?

– Все по-прежнему.

– Убивают?

– Еще больше, чем раньше.

– А что на кону? Деньги? Женщины? Карьера?

- Всего понемножку.
- Значит, ничего не меняется, – вздохнул Ваня и снова оборотил свой взор на потолок. – Закурить дашь?
- Да.
- Может, и портвейну принес?
- Не сообразил.
- Это плохо, – без сожаления сказал Ваня. – Значит, чуть позже принесешь... Принесешь?
- Принесу.
- Это хорошо. Так чего там у тебя случилось?
- С чего ты взял?
- Если б не случилось, не пришел бы. Верно говорю?
- Верно, – помолчав, ответил Зайцев. – Как цефеиды? Снятся?
- Не надо, – строго сказал бомж. – Это не тема.
- Извини.
- Да ладно... Ты когда шел сюда, котенка не встретил? Черно-белый такой, пестренький... Не попался под ноги?
- Вроде нет...
- Котенок пропал... как в детских стишках... У старика и старухи был котенок чернухий, черноухий и белобокий, чернобрюхий... И еще там какой-то. Забыл. Жалко, мы с ним хорошо поладили...
- Кстати... – Зайцев помолчал, колеблясь, правильно ли он поступает, но решил все-таки произнести слова, которые вертелись у него на языке: – Обоих убили. И старика, и старуху.

- Насмерть? – поинтересовался бомж.
- Да.
- Это плохо.
- Ему в затылок выстрелили, а ей в спину. Хорошо так выстрелил кто-то, в сердце попал. Они не мучились, даже, наверное, не поняли, что произошло. Были – и нету.
- На улице, в лесу? На даче?
- В собственной квартире.
- Хорошая квартира? – безразличным тоном спросил бомжара.
- Ничего квартирка... Занюханная немного, но место хорошее, тихое, от центра недалеко. И наследников нету.
- Так не бывает, – обронил бомж. – Найдутся.
- Я искал.
- В паспортном столе? В адресных книгах? Через милицию?
- Да, – растерянно проговорил Зайцев. – А где же еще?
- Ты их почту посмотри, поздравительные открытки... С Новым годом, с Восьмым марта, с Днем Красной армии... Там наследников искать надо.
- А знаешь, мысль неплохая, – с надеждой проговорил Зайцев.
- А плохих мыслей и не бывает. Бывает мысль, а бывает ее отсутствие.
- Зайцев помолчал, окинул взглядом помещение, неплохое, в общем, помещение, и сухое, и тихое. Сумрачное, правда, но, видимо, к этому можно привыкнуть.
- Ваня, у тебя как со временем сейчас?
- Бомжара замер на какое-то время, потом как-то резковато приподнялся, сел, сбросив ноги на пол, и уставился на Зайцева с неподдельным изумлением.

– Как у меня со временем? – переспросил он. – Ну знаешь, капитан, более глупого вопроса я в своей жизни, и в той, что раньше была, и в этой... не слышал. Тебя что, вот так прижало, что ты уже можешь такие вопросы задавать?!

– Мы недавно неплохо сработали с тобой, – примирительно сказал Зайцев. – Я подумал, может быть, стоит повторить, а?

– Повторить? – опять переспросил бомжара. – Наливай.

– За этим дело не станет. – Зайцев опять помолчал, не зная, как произнести решающие слова. – Может быть, проедем сейчас на ту квартиру?

– На какую?

– Ну... Где убили старика со старухой.

– Они до сих пор там лежат?

– Да нет... Трупы вывезли. Но все остальное в неприкосновенности.

– Послушай, капитан... – Теперь уже в некотором затруднении замолчал бомж. – Ты ведь не видел меня при ярком солнечном свете... Мы не пара с тобой, ох не пара. Ты вон какой нарядный – при белой рубашке, при глаженных штанишках... Это уже новая форма, полицейская?

– Прежняя, новую еще шьют.

– А от меня запах, – с некоторой капризностью в голосе сказал бомж.

– Знаешь, Ваня, после того запаха, которого я нанюхался в той квартире, твой запах – это «Шанель» номер пять.

– Ты когда-нибудь нюхал «Шанель» номер пять? – спросил бомж.

– Нет, – признался Зайцев.

– А я женщинам дарил. – Бомж застыл, уставившись в зарешеченное окно, будто видел там картины прошлой своей жизни, когда он дарил красавицам французские духи, они весело смеялись, целовали его, прижимались к нему, полные восторга и любви. – Не часто, нет. «Шанель» часто дарить – это дурной тон, да и денег никаких не хватит... Но было, капитан, было.

Всмотревшись в лицо бомжа, Зайцев увидел вдруг, как две одинокие слезинки выкатились из его глаз, скользнули вниз по щекам и затерялись в седоватой невымытой щетине.

– Слезливым стал, – проворчал, смутившись, бомж и поднялся со своей кушетки. – Пошли. Чего не бывает, может, слово какое дельное скажу. Ты же за этим меня зовешь?

– Пошли, Ваня. – Зайцев первым направился к выходу.

– Когда долго смотришь на звезды, лучше понимаешь людей, – проговорил за зайцевской спиной бомжара.

– Почему? – обернулся Зайцев.

– Они уже не кажутся тебе венцом природы. И слова их ты воспринимаешь только так, как они звучат. И никак иначе. Тебе нет надобности наделять людей своими собственными достоинствами и недостатками. Поскольку после общения со звездами не остается собственных достоинств и недостатков. Ты уже как бы и не совсем человек. Хотя и сохраняешь способность к деторождению, можешь подарить «Шанель»... Еще там кое-что осталось... Но немного, нет. Только самое главное, только самое главное, – повторил бомж, когда он с Зайцевым уже оказался на ярком солнечном свете. – Посидим, – попросил бомж и присел на разогретый солнцем бордюру. – А то после подвала я ничего не вижу.

– Посидим, – согласился Зайцев и присел рядом. Хотя раньше, совсем недавно он бы не согласился на подобное – стоял бы, маялся, но не присел бы рядом с бомжарой.

– Дверь не взломана? – как бы между прочим, как бы скучая, спросил бомж.

– В порядке дверь.

– А как узнали?

– Соседи позвонили. Дверь оказалась незапертой.

- Что-то ценное взяли?
- Не думаю, что у них могло быть что-то ценное... Сказал же – занюханная квартирка.
- А стреляли сзади?
- Старухе в спину, в сердце попал, старику в затылок.
- Ишь ты, – усмехнулся бомжара. – Совесть какой. Ну пошли, капитан, я уже кое-что различаю в этом солнечном пространстве... Дома вижу, деревья, людей вот пока не вижу...
- А их и нету, – заметил Зайцев. – Мы одни с тобой сидим тут, калякаем.
- Тогда ладно... А то я уж испугался – неужели, думаю, людей перестал видеть.
- Не позволят, – сказал Зайцев, сев за руль.
- Кто?
- Люди.
- Тоже верно, – согласился бомж и поднялся. – Поехали, капитан, поехали.

Бомжара, поколебавшись, сел на заднее сиденье «газика», постеснялся сесть рядом с капитаном. Позволил тому сделать вид, что он не просто едет с бомжом, нет, он как бы его доставляет в отделение, и потому самолюбие капитанское останется в целости и сохранности.

– Садись впереди, – сказал Зайцев, обернувшись.

– Ладно, капитан, ладно. – Бомжара привычно вжался в угол и как бы даже сделался невидимым в машине, во всяком случае, с улицы никто не смог бы его увидеть.

Квартира представляла собой точно такую же картину, какую оставил Зайцев несколько дней назад, закрывая и опечатывая дверь. Форточку он оставил распахнутой, и запах убийства постепенно выветрился. И трупов, конечно, уже не было, вывезли. Вместо них на полу остались лишь контуры тел, сделанные мелом. Контуры были грубы, условны, но общее положение тел все-таки передавали.

Заперев за собой дверь, Зайцев прошел в комнату, сел в угол у окна и закурил.

– Я уже здесь бывал не один раз, – сказал Зайцев. – Вряд ли увижу что-нибудь новенькое... А ты, Ваня, походи, посмотри... Чего не бывает, вдруг озарение посетит, вдруг просветление наступит.

– Наступит, посетит, – проворчал бомж и, вернувшись в коридор, внимательно осмотрел замок. Потом уже в комнате некоторое время стоял неподвижно, рассматривая меловые контуры тел. Потом, зайдя с другой стороны круглого стола, постоял у скатерти, залитой не то подливой, не то томатной пастой, шевельнул ногой бутылку, в которой еще оставалась водка, сдвинул ботинком тарелку, исподлобья посмотрел на Зайцева. – Ни одного наследника?

– Ни единого.

– Послушай, капитан... Ты поищи здесь открытки поздравительные, телеграммы праздничные, письма... Поищи. Где-то в этих ящиках они должны быть, – бомж кивнул в сторону стенки. – А я выйду на площадку покурю.

– Кури здесь... Хозяева не возражают.

– Возражают. – Бомж исподлобья глянул на капитана. – Я чую. Угости сигареткой.

Взяв у Зайцева сигаретку, бомж заглянул на кухню, потоптался там, нашел спички и вышел на площадку. Он спустился на один пролет лестницы, сел на корточки в угол, усвоив где-то эту эковскую привычку, и замер там с видом равнодушным и даже, кажется, сонным.

С каким-то металлическим грохотом лифт остановился на той же площадке, на которой расположился бомж. Из лифта вышел плотный мужичок с хозяйственной сумкой. Впрочем, не только сумка была у него хозяйственной, у него и взгляд, и поведение тоже были какими-то хозяйскими. Увидев бомжа, мужичок остановился, некоторое время молча его разглядывал, осуждающе разглядывал: дескать, мало того, что по двору шастают, уже в дом начали проникать.

– Ну и что? – спросил мужичок напористо. – Как дальше жить будем?

- Даже не представляю, – честно ответил бомж.
- Переживаешь, значит?
- Переживаю.
- Грустишь? – уже с явным раздражением продолжал настырничать мужик.
- Грущу, – кивнул бомж. – Обоих вот убили... обоих.
- Это что же, близкие твои?
- Близкие.
- А я что-то тебя у них не встречал?
- Почти не виделись, – вздохнул бомж непритворно.

И надо же, с мужичком вдруг произошла резкая перемена – он отставил свою сумку в сторону и присел на ступеньку напротив бомжа, достал сигареты, закурил, предложил бомжу. Тот не отказался, поскольку от зайцевской сигареты остался лишь коротенький бычок.

– Ты что, войти не можешь? – спросил мужичок голосом, в котором уже не было ни настырности, ни осуждения.

- Следователь там.
- Что-то он зачастил...

– Работа такая, – чуть передернул плечами бомж.

– Жалко стариков... Мы ведь лет двадцать с ними в этом доме живем... Ни к чему не могу придраться, ни одного нарекания – представляешь?

– Представляю.

– А я ведь видел старика в день убийства, – вдруг оживился мужичок. – Да-да, видел. Он забегал ко мне на минутку. Водки просил.

– Пил?

– Да нет, гостя хотел приветить... А у него ни капли не оказалось.

– И дал ты ему водки?

– Дал... Я ему говорю: дескать, неловко, початая бутылка, как такой бутылкой можно кого-то привечать? А он говорит – неважно, сойдет. Схватил и тут же убежал. И все. Больше я его живым не видел. В затылок подонок и выстрелил. Навылет. Пуля все лицо разворотила, смотреть страшно.

– Это плохо, – сказал бомж и поднялся. – Подожди меня здесь, – сказал он мужичку. – Я быстро. Не уходи.

Бомжара с необычной для него сноровкой поднялся на лестничный пролет, вошел в квартиру, не обращая внимания на Зайцева, осторожно взял с пола бутылку с остатками водки, за самый кончик горлышка взял, чтобы не стереть отпечатков пальцев, если они там сохранились, и снова вышел на площадку.

– Твоя бутылка? – спросил он у мужичка.

Тот поднялся по лестнице, посмотрел, не касаясь бутылки, поднял глаза на бомжа.

– Моя.

– Точно твоя?

– Я же ее откупоривал.

– Старик взял ее у тебя и с ней убежал к себе?

– К себе. А что?

– Ты где живешь?

– Вот здесь, напротив старика.

– Следователь у тебя был?

– Нет, но обещал. Грозился, можно сказать.

– Будет, – ответил бомж и вернулся в квартиру к Зайцеву.

Разложив на столе обнаруженные поздравительные открытки, письма и телеграммы, Зайцев внимательно вчитывался в обратные адреса и раскладывал бумажки по стопкам. Он даже

не заметил возвращения бомжа, не заметил, как тот, взяв бутылку за горлышко, куда-то с ней отлучился, а через несколько минут вернулся, положил бутылку точно на то же самое место, где она и лежала.

– Есть улов? – спросил бомж.

– А знаешь, Ваня, есть! – охотно ответил Зайцев.

– Это хорошо. – И бомж замолчал, пристроившись в уголке дивана.

Не совсем обычный образ жизни бомжа выработал в нем странную способность как бы выключаться из общего потока времени. Вот пристроился он на диване, затиснулся в самый угол между подлокотником и спинкой, и замер, кажется, навсегда. Не было ни в его позе, ни во взгляде, ни в выражении лица какой-то нетерпеливости, поспешности, желания куда-то идти и что-то делать. Его попросили прийти – он пришел, его попросили осмотреться – осмотрелся. Ему не задают вопроса – он не лезет ни к кому со своими соображениями. Спросят – ответит. Не спросят – промолчит.

– Совестьный очень, – наконец чуть слышно пробормотал бомж, похоже, для самого себя пробормотал. И только по этим двум словам можно было догадаться, что он не спит, не впал в забытие, что он о чем-то там думает. Впрочем, может быть, просто слова в его сознании, сделавшись как бы бесконтрольными, сами по себе выплывали наружу без всякой связи с происходящим. – Так не бывает, – опять выплыли из бомжа слова. – Этого никто не сможет.

– Чего не сможет? – Зайцев наконец что-то услышал и переспросил, подняв голову от писем и открыток.

– Чтобы все можно было предусмотреть. Комета в пустоте пролетит, и то след остается. Да и пустоты-то не бывает.

Если пространство безвоздушное, значит, оно наполнено чем-то другим. Природа не терпит пустоты.

– Конечно-конечно, – кивнул Зайцев, не вдумываясь в то, что произносит бомж. – Я об этом слышал.

– Слышать мало. К этому надо прийти. Убийца здесь. Он не может покинуть эту квартиру. Он здесь.

– Будем брать? – весело спросил Зайцев, услышав знакомые внятные слова.

Бомж не ответил, уловив насмешку.

– Тяжело ему сейчас... Я ему не завидую...

– Кому? – опять поднял голову Зайцев.

– Убийце.

– Я не понял – тебе его жалко?

– Угу... Жалко.

– А старика со старухой?

– И старика со старухой.

– Ну ты даешь, Ваня!

– Стране угля, – непочтительно ответил бомж. – Ты это... Капитан, в отдельную стопку отложи открытки самые почтительные, самые регулярные.

– Это как?

– Знаешь, есть люди, которые поздравляют только с Новым годом, а остальные праздники для них вроде как вовсе и не праздники. А есть такие, что только с Восьмым марта или с днем рождения... А есть такие усердные поздравители, что не ленятся со всеми праздничками поздравить сердечно и любвеобильно. Вот именно такие, капитан, тебя должны заинтересовать больше всего.

– Почему?

– Потому что это ненормально.

– А как нормально? – удивился Зайцев.

– Просто позвонить. Но убийце нужны следы, доказательства его доброты и внимания.

Зайцев замолчал, уставившись в лежащую перед ним россыпь открыток и, похоже, совершенно их не видя. Потом некоторые он подвигал пальцами, некоторые переложил из одной стопки в другую, вернул обратно и, наконец, круто развернувшись вместе со стулом, уставился требовательным взглядом на бомжа.

– Другими словами, ты хочешь сказать, что... – И Зайцев опять замолчал, тасуя в следовательских своих мозгах все обстоятельства этого кошмарного преступления, все, что ему стало известно к этому моменту. И еще до того, как вышел из этого своего состояния, бомж произнес одно коротенькое слово.

– Да, – сказал он.

– Ваня, ты можешь себе представить, чтобы старика и старуху поздравили не только родители, но и дети? Чтобы из одной семьи пришли три новогодние открытки? Это возможно?

– Это приятно, я бы не возражал, но поскольку я не получаю ни одной... Такой знак внимания растрогает кого угодно. Но это ненормально. Это плохо.

– Почему?

– Навязчиво.

– И это дает тебе право...

– Да, – сказал бомж.

– Тогда едем к Тихоновым.

– Они далеко?

– Семь часов поездом.

– Это хорошо.

– Почему? – опять спросил Зайцев.

– Хорошее расстояние, – произнес бомж странные слова. Но, видимо, он придавал им какое-то значение, поскольку не стал ни уточнять, ни разъяснять суть.

– Для кого это расстояние хорошее? – чуть раздраженно спросил Зайцев.

– Для тебя, капитан.

– А если бы к ним нужно было ехать полчаса?

– Это было бы хуже. Ему нужен повод отлучиться надолго. А такой повод найти непросто.

– Ну ладно, – прервал Зайцев разговор, в котором не мог ничего понять. – Едем?

– Я давно никуда не ездил.

– Значит, едем. – И он первым шагнул в прихожую. Бомжара покорно поднялся, еще раз окинул комнату долгим и опять же каким-то сонным взглядом и, заворачивая носки ботинок внутрь, пошел следом за Зайцевым.

Машиной оказалось добираться быстрее и короче, поэтому уже через пять часов капитан Зайцев и бомж Ваня звонили в дверь квартиры Тихоновых.

Семья ужинала.

Родители расположились на кухне, дети использовали в качестве столового стола швейную машинку – в перевернутом состоянии она превращалась в небольшой столик.

– Здесь живут Тихоновы? – еще на площадке громко и внятно спросил Зайцев, когда на его звонок дверь открыла женщина.

– Если это можно назвать жизнью, – усмехнулась она.

– Позвольте войти?

– А вы по какому, простите, вопросу?

– По криминальному. У вас есть родственники по фамилии Акимовы? – все с той же четкостью спросил Зайцев.

– Акимовы? Понятия не имею. Женя! У нас есть родственники Акимовы? – прокричала женщина куда-то внутрь квартиры.

В дверях появился полноватый мужчина в майке с обтянутыми плечиками. Он, не торопясь, нащупал ногами шлепанцы, потоптавшись, надел их, поправил плащ на вешалке, сдвинул в сторону детскую обувь и наконец поднял глаза на людей, стоявших на площадке.

– Что случилось? – спросил он.

– Товарищи говорят, что у нас есть родственники Акимовы...

– Я не говорил, что у вас есть такие родственники, – перебил Зайцев. – Я спросил, есть ли среди вашей родни Акимовы?

– Акимовы? – теперь переспросил мужчина. – Не знаю... может быть, и есть... Вот так сразу и не сообразишь.

Зайцев молча вынул из кармана новогоднюю поздравительную открытку и протянул мужчине. На открытке были написаны не только приветственные слова, но четко, внятно указан адрес Тихоновых, вот этот самый, по которому Зайцев их и нашел.

– А, эти, – расплылся в улыбке мужчина. – Как же, как же... Не то чтобы родственники, но достаточно близкие люди... Я не исключаю, что какие-то отдаленные родственные узы действительно между нами могут быть. С ними что-нибудь случилось?

– Они убиты.

– Так, – крикнул мужчина. – Давно?

– Несколько дней назад.

– Это печально... Но при чем здесь мы?

– Надеюсь, ни при чем... Но поговорить надо. Может быть, мы зайдем в квартиру?

– Конечно, входите. – Мужчина отодвинулся в сторону, пропустил мимо себя Зайцева и бомжа, закрыл дверь и вслед за гостями прошел на кухню.

– Извините, в комнате детишки питаются... Если не возражаете, поговорим на кухне. Здесь, правда, тесновато, но расположиться можно. Так вы нас по открытке нашли?

– Нашли, – ответил Зайцев немного не на вопрос, немного как бы в сторону. – Вы давно виделись с Акимовыми?

– С Акимовыми? – опять удивился хозяин. Зайцев заметил – каждый раз, когда он произносит эту фамилию, и хозяин, и его жена почему-то впадают в искреннее удивление, будто само предположение о том, что они могли видеться, уже их как-то задевает.

– Поскольку я прочитал сегодня немало ваших поздравительных открыток, отправленных Акимовым по самым разным поводам, то я уже знаю, что вас зовут Евгением, а ваша жена – Зинаида... Правильно? Я ничего не напутал?

– Все правильно, – кивнул Евгений. – Но что касается открыток, то должен сказать... – Он замолчал, поскольку сказать было совершенно нечего.

– Я слушаю вас, – подбодрил его Зайцев.

– Открытки еще ничего не значат, – сказал хозяин, и бомж в ответ на эти слова первый раз кивнул головой. Просто кивнул, словно убедился в чем-то. Он как бы и не считал себя вправе что-то здесь произносить.

– Если я правильно вас понял, – медленно подбирая слова, проговорил Зайцев, – вы не хотите, чтобы вас считали близкими друзьями или родственниками Акимовых?

– Да нет, почему! Дело не в том, что не хотим, просто это будет неправильно, только и того. – Хозяин даже руками всплеснул, как бы удивляясь бестолковости следователя.

– Понял, – кивнул Зайцев. – Тогда приступим к разговору.

– А до сих пор что у нас было? – усмехнулся хозяин.

– Треп, – ответил Зайцев. – Только треп. Вы давно были у Акимовых?

– Давно. Уж не помню, сколько лет назад.

– А где вы были в эти выходные? Вчера, позавчера?

– На рыбалке.

– Хороший был улов?

Хозяин не успел ничего ответить – Зинаида поднялась, как-то гневно поднялась, почти фыркнув от возмущения. Пройдя в ванную, вернулась оттуда с ведром и поставила его у ног Зайцева. Ведро было почти полное живой рыбы, залитой водой.

И тут в общей тишине почти вскрикнул от восторга бомж, который, похоже, подобных зрелищ не видел в своей жизни. Он присел на корточки перед ведром и, запустив в холодную воду руку, изловил одну рыбешку. Вынув ее из ведра, он поднял, всмотрелся в нее с блаженной улыбкой, обвел всех глазами, словно желая убедиться, что и остальные радуются вместе с ним.

– Какая красавица! – прошептал бомж восторженно и осторожно опустил рыбу в ведро. – Неужели такие еще ловятся в наших усыхающих реках?

– Ловятся, – кивнул Евгений. – Места только надо знать.

– О-хо-хо! – горестно вздохнул бомж и снова уселся на свою табуретку в углу кухни.

– Теперь вы верите, что я был на рыбалке? – спросил Тихонов.

– Да я в общем-то и не сомневался в ваших словах. – Зайцев был явно озадачен. – Мне положено составить отчет о нашей с вами встрече, и я задаю протокольные вопросы.

– Хорошая была погода? – неожиданно спросил молчавший бомж.

– Да, – кивнул Тихонов. – Дождь лил как из ведра.

– А в дождь клюет?

– Как видите. – Тихонов кивнул на ведро, все еще стоявшее посреди кухни.

– А у нас в городе не было дождя, – пробормотал бомж.

На этот раз с легким, но вполне уловимым гневом поднялся со своего места хозяин. Он прошел в комнату, на балкон и вернулся с брезентовым плащом.

– Прошу убедиться... Дождь все-таки был. – И он встряхнул сыроватым плащом.

И опять странно повел себя бомж. Он пощупал брезент, восторженно поцокал языком, убедился, что карманы пришиты надежно, что капюшон тоже не отваливается, и наконец попросил разрешения примерить.

– Примерь, – недоуменно пожал плечами Тихонов.

Натянув на себя плащ, бомжара вопросительно посмотрел на Зайцева – каково, мол.

– Тебе идет, – сказал Зайцев.

– Хорошая вещь, – вздохнул бомж. – Такой плащ меня бы частенько выручал. – Сунув руки в карманы, он даже глаза зажмурил от удовольствия. – Может, подаришь? – спросил он у Тихонова.

– В следующий раз, – ответил тот. Бомж с сожалением вернул плащ хозяину.

– С вами кто-то еще ездил на рыбалку или вы в одиночестве? – спросил Зайцев.

Тихонов поворчал, долгим взглядом посмотрел на Зайцева, на бомжа, на собственные ладони.

– Так, – сказал он наконец. – Как я понимаю, мне нужно доказывать, что я в самом деле ездил на рыбалку, что я не убивал Акимовых, да? Я правильно все понимаю? Рыба вас не убеждает, плащ, в котором я больше суток мок, тоже не убеждает, да?

– С Николаем он ездил! – вдруг вскрикнула Зинаида. – Работают они вместе! И на рыбалку ездят вместе. Спросите у Николая, были они на рыбалке или не были.

– Фамилия Николая? – невозмутимо спросил Зайцев.

– Федоров, – ответил Тихонов.

– Я, конечно, извиняюсь, – заговорил бомж, – но, может быть, вы позволите выйти на балкон, сигаретку выкурить?.. У вас тут разговор суровый, криминальный...

– Кури здесь, – сказал Тихонов. Он почему-то сразу решил, что к этому человеку можно обратиться и на «ты».

– Да неловко, – смутился бомж. – Я уж на балконе... Если позволите, конечно...

– Пройди через комнату... Там открыто.

Сутулясь и заворачивая носки ботинок внутрь, бомж вышел из кухни, пересек комнату и толкнул дверь на балкон. И тут же вслед за ним на балкон вышел и хозяин.

– Чуть не забыл, – сказал он, беря сапоги в углу. – Если уж твоему хозяину нужны доказательства... На сапогах еще грязь не просохла. – И он унес сапоги на кухню, а через несколько минут снова бросил их на прежнее место.

Тут же, на балконе, стояли нераспечатанные пачки с кафелем. Они были сложены стопками, и бомж довольно удобно расположился на одной из них, присев в самом углу.

– Ремонт намечается? – спросил он у Тихонова, когда тот вернулся с сапогами.

– Да, небольшой. – Тихонов хотел было уже уйти, но его остановил следующий вопрос бомжа.

– Ванную будете обкладывать?

– Ванная уже обложена... На кухне хочу угол отделать вокруг раковины.

– Хорошее дело, – ответил бомж, пуская дым в сторону – он даже на балконе не чувствовал себя уверенно. – Хочешь, погадаю? – неожиданно спросил бомж.

– Что? – не понял Тихонов.

– Погадаю... Я ведь немного звездочет... А звездочеты, хироманты – одна шайка-лейка. – И он протянул руку. Тихонов в полной растерянности протянул свою, ладонь кверху.

– Ну вот видишь, как все получается... Я примерно такой картины и ожидал...

– И что же там получается? – У Тихонова рука явно, просто заметно дрогнула, и бомж только с удивлением посмотрел на него.

– У тебя линия сердца и линия ума сливаются в одну, это, можно сказать, одна линия.

– И что же это означает?

– То ли сердца у тебя нет, то ли ума... Во всяком случае, сливаясь, эти линии ослабляют друг друга. Это можно сравнить с волнами – они гасят друг друга. Хотя бывает и наоборот, но здесь не тот случай, очень неглубокая линия, да и по цвету бледная... Но жить будешь долго.

– Пока не помру? – усмехнулся Тихонов.

– Жить будешь долго. – Бомж не пожелал услышать ернические слова Тихонова. – Но в разлуке.

– Это в каком же смысле? – Тихонов выдернул свою ладонь из невымытых рук бомжа.

– Не знаю... Но разлука на твоей ладони скорая и долгая.

– Ладно, разберемся. – И Тихонов, хлопнув дверью чуть сильнее, чем требовалось, ушел на кухню к Зайцеву.

Когда бомж вернулся на кухню, Зайцев уже прощался с хозяевами, извинялся за вторжение, просил Тихонова подписать протокол с рассказом о рыбалке, Зинаида тоже подписала, убедившись, что в протоколе упомянута и рыба в ведре, и мокрый плащ, и сапоги в грязи, что упомянут Николай Федоров, с которым муж ездил на рыбалку в выходные.

Бомжара произнес первое слово, когда Зайцев уже отъехал от тихоновского дома километров пятьдесят. Все это время он маялся, вертелся на заднем сиденье, вздыхал, курил, выпуская дым сквозь приспущенное стекло.

– Напрасно, – протянул бомж с тяжким вздохом. – Все-таки напрасно.

– Не понял? – резковато спросил Зайцев, поскольку был недоволен бессмысленностью поездки.

– Напрасно ты его не взял.

– Кого?

– Убийцу.

– Какого убийцу?

– Ну этого... Который порешил Акимовых... Старика и старушку.

– Так. – Зайцев резко затормозил, съехал на обочину и, остановив машину, обернулся к бомжу. – Слушаю тебя внимательно.

Бомж помолчал, тоскливо глядя на Зайцева, вздохнул, долго смотрел в окно.

– Ты что, ничего не понял? – наконец спросил он.

– Я понял все, что мне сказали. Все, что услышал. Все, что увидел. Что я еще должен понять?

– Может, он и не убивал, я не могу так вот окончательно судить. Судить, уличать, доказывать – это, капитан, твое дело. Я могу только суждение высказать, предположение, умозаключение...

– Почему ты решил, что он убийца? – твердо спросил Зайцев.

– Он не сказал ни одного слова правды.

– Ты рыбу видел?

– Это не речная рыба. Это прудовая рыба. Он не мог поймать ее на рыбалке. Он мог купить ее в соседнем гастрономе. Она живая. Как он мог живую рыбу привезти домой? Он что, в ведре ее вез? Так не бывает.

– А плащ?

– А что плащ?.. Ну подставил под душ на минутку, вот он и сделался мокрым. А в карманах сухо. Сухие карманы, – повторил бомж, словно не уверенный, что Зайцев его понял. – Он не был на рыбалке. Но все время доказывал, что был. И все время врал. Зачем ему врать, если он был на рыбалке? Зачем ему так настойчиво отречься от Акимовых, если ты нашел у них пачку открыток? Люди старые, одинокие, они рады любой весточке из внешнего мира... Они берегут эти открытки, перечитывают их. Какое-никакое, а все утешение... Он, наверно, не подумал, что его открытки будут хранить годами... Глупый.

– Он и сапоги приносил, показывал... Так грязь еще свежая, – неуверенно проговорил Зайцев.

– Это городская грязь. Возле речки другая... С травой, илом, навозом... А это другая. Вот, возьми. – Бомж вынул из кармана и протянул Зайцеву маленький сверток из газеты. – Грязь с его сапог... Твои ребята пусть посмотрят в свои микроскопы. Они разберутся и скажут тебе, городская она или речная. И еще... У него на пальцах следы клея... «Момент» называется. Чтобы отпечатков не оставить, подушечки пальцев смажешь, и несколько дней клей держится. С одного раза не смоешь, даже если и захочешь.

– У него вроде и свидетель есть...

– А что свидетель? Какой это свидетель? Меня кто-то попросит, я тоже смогу подтвердить все, что угодно. Ты пригласи этого Николая к себе в кабинет, потормоши его хорошенько, скажи, что на кону два убийства... Он и дрогнет. Этот Тихонов наверняка запудрил ему мозги. Дескать, загулял, у бабы был, подтверди, что на рыбалку ездил... Он и подтвердит. Но долго не продержится. Покажи ему снимки трупов, кровь, развороченное лицо старика... Дрогнет. На фиг ему в это вляпываться. Все очень просто, капитан... Тихонову сейчас надо отдалиться от Акимовых... А когда все успокоится, когда ты уже не будешь заниматься этим, он возникнет со своими правами на квартиру... Им сейчас там тесновато, а в трехкомнатной будет в самый раз...

– Неужели вот так просто можно пойти на подобное? – почти шепотом произнес Зайцев.

– А почему нет? – удивился бомж. – Люди каждый день идут на что-то подобное. Сделать аборт, убить собаку, предать друга, прогнать женщину, которая тебя любит, расстрелять стариков в затылок, в спину. Я же говорил тебе – стеснительный убийца тебе попался.

Зайцев долго молчал, глядя перед собой на дорогу, на проносящиеся мимо машины, на темнеющее уже к вечеру небо. Бомж молчал. Поездка для него оказалась утомительной, и он задремал в углу на заднем сиденье.

– И ты давно все это понял?

– Мыслишка мелькнула еще там, в квартире старика и старушки.

– Какая мыслишка?

– Когда я вышел покурить на площадку, с соседом потолковал... В день убийства старик бегал к этому соседу за водкой... Гостя, говорит, надо угостить... А у соседа оказалась только початая бутылка. Старик его заверил – неважно, дескать, сойдет. А початой бутылкой, капитан, можно приветить только близкого человека... Вот и приветил.

– У тебя все? – спросил Зайцев, как бы очнувшись, как бы вернувшись из тех мест, по которым он носился только что.

– Ты о чем, капитан? А, вспомнил... – Бомж протер глаза, поерзал на сиденье. – Еще один момент... Кафель.

– Что кафель? – сдерживая себя, спросил Зайцев.

– На балконе у него кафель. Хороший такой запас кафеля. По качеству он средненький, из дешевых, но много.

– Это хорошо или плохо?

– Смотря с какой стороны посмотреть... Если вообще для хозяина, то хорошо... А для Тихонова плохо.

– Говори, говори, Ваня... Я слушаю тебя, – сказал Зайцев раздраженно. Впрочем, это могло быть вовсе и не раздражение, скорее нетерпение.

– Я спросил у него, зачем, дескать, кафель... Говорит, на кухне возле раковины хочет обложить пару квадратиков... И красиво опять же, и стена не мокнет, и протереть всегда можно...

– И что же здесь от убийства?

– А от убийства, как ты выражаешься, капитан, количество кафеля. Там его метров тридцать! Квадратных! К большому ремонту готовится Тихонов. В его квартире столько кафеля не нужно. Для трехкомнатной квартиры приготовлен кафель. Опять же линия ума и линия сердца на ладошке...

– Что линия ума? Что линия сердца? – почти заорал Зайцев.

– Сливаются.

– И о чем это говорит?

– Ущербный человек... И по уму, и по сердцу.

– Про ладошку ты хорошо сказал. Надо обязательно включить в протокол, – хмыкнул Зайцев и, включив мотор, круто развернул машину в обратную сторону.

Бомжара возвращается

Нет, ребята, не надо меня дурить, я все в этой жизни уже знаю, во всяком случае знаю главное – ничто хорошее не может продолжаться слишком долго. А если что-то хорошее и существует некоторое время – это повод задуматься о жизни и правильности твоих представлений о ней. Вот открыли недалеко от моего дома маленький такой магазинчик, хозяйственные товары продавали. Стоило только мне полюбить его легкой, необязательной любовью – закрыли. Теперь там зал игровых автоматов, говорят, заведение более прибыльное. Аптека как-то возникла на углу, хорошая, скромная аптека без виагры, но с валидолом. Только пристратился – приказала долго жить. Сейчас там пивной бар. Небольшой, пока еще в кружки пиво наливают, до банок дело не дошло, не растащили еще кружки благодарные посетители на сувениры. Но ходить туда опасаясь – вдруг привыкну...

Передел собственности продолжается, куда деваться...

Магазин, аптека, бар – ладно, это терпимо, можно переболеть. Но вот женщина... Хорошая женщина, молодая и красивая, любовные записочки писала, коротенькие, но... Разве пишут длинные любовные записки? Обстоятельными бывают лишь прощальные письма. И вот только сроднился, только свет на ней клином сошелся... На моих глазах, представьте, на моих несчастных, как у побитой собаки глазах, она тискается с каким-то поганым хмырем. Может быть, он для нее не такой уж и поганый, но все, кто при мне целуется с ней – хмыри поганые. И поступила она так не со зла, не по испорченности своей нравственной, нет, ребята, все проще. Увлелась, девочка, заигралась, как она выражается. И просто перестала меня видеть. В самом прямом, простите за ученое слово, физическом понимании слова. Сидел я на голубой скамейке, на набережной, никого не трогал, рядом лежала собака. Так вот, не видела она ни меня, ни собаки, ни моря. В этот момент мы с собакой и с морем в своем значении для нее уравнились, сделались как бы несуществующими.

Конечно, увидь она меня, нашла бы местечко, где можно было... Для чего угодно не трудно найти местечко летом в Коктебеле. Кстати, и зимой тоже. Но не увидела. И очень удивилась, когда я горестно рассказал ей об этом случае. Искренняя, блин, бесхитростная. Ну, да ладно, не обо мне речь и не об оптических странностях, случающихся время от времени с некоторыми красавицами на коктебельском берегу.

Ваня, бомжара Ваня – вот кто опять растревожил душу мою. С ним случилось примерно та же история, что и со мной. Едва только прижился он в подвале неплохого дома, только обустроил себе местечко возле трубы парового отопления – тьюфак притащил со свалки, подушку, оставшуюся от покойника, трехногую табуретку в качестве ночного столика... Пришли улыбочивые дяденьки с добрыми, но волевыми лицами и заварили арматурой все выходы и входы в подвал этого дома. Да так сноровисто, быстро, умело, что не успевшие выбежать бездомные собаки, еще неделю, подыхая от ужаса и безысходности, выли в том подвале.

И ничем Ваня помочь им не мог. Бросал сквозь прутья найденные в мусорных ящиках куски подсохшей колбасы, корки хлеба, но без воды собаки не могли это есть, а воды он не мог дать, не сумел изловчиться.

И ушел со двора, чтобы не слышать предсмертного собачьего воя. Дело вовсе не в том, что пришли во двор люди безжалостные и бездушные – о добре думали, о детях заботились, об авторитете родного города на международной арене. Какой-то важный президент приезжал на пару дней, и, чтобы Москва ему понравилась, решили срочно от бродячих собак и бездомных людей избавиться. Опять же и собаки эти, и люди были переносчиками заразы, а дети от них могли заболеть и слечь с температурой, поносом и прочими детскими хворями. Опять же полиция в городе появилась взамен осрамившейся и потерявшей всякое к себе доверие милиции.

Так Ваня оказался на городской свалке – это по Минскому шоссе, где-то за сороковым километром, за Голицыно. Свалка большая, просторная, почти до горизонта громоздились дымящиеся кучи мусора – день и ночь свозили сюда самосвалы отходы жизнедеятельности громадного города.

Ваня пристроился неплохо – на опушке, среди березок, но подбирался, подбирался все ближе к нему мусор, безжалостно поглощая деревья, полянки, тропинки. И Ваня каждую неделю переносил все дальше в глубь леса свою картонную коробку из-под большого телевизора, или, как их называют, домашнего кинотеатра. Кто-то ведь смотрел эти самые домашние кинотеатры с экраном в полстены.

Ваня был не одинок – сотни бомжей жили здесь, кормились, выясняли отношения, частенько непростые отношения. Суровость жизни многих ожесточала, но упрекать их было нельзя, найденный кусок колбасы в свежей куче мог на несколько дней продлить жизнь.

С одной из таких куч и начались события, в которые Ваня опять влип со всей необратимостью, на которые бывают способны события. Все было как обычно – приехал из Москвы самосвал, пристроился, чтоб удобнее и мусор свалить, и отъехать без помех. Поскольку Ваня оказался рядом, он первым подошел к куче. Кивнул водителю, поздравил его, по своему обыкновению, с хорошей погодой, тот тоже произнес что-то необязательное, дескать, удачной тебе охоты, мужик, счастливых тебе поисков и находок. И отъехал.

Постояв у кучи, Ваня поддал консервную банку, отпихнул ногой газетный сверток, развернул что-то тряпочное, бесцельно потыкал палкой, и тут его внимание привлек небольшой сверточек, тоже газетный. Ваня поднял его, повертел перед глазами и развернул...

И тут же отбросил, вернее, отдернул от свертка руку.

Внутри газеты лежал человеческий палец.

Ваня присел и некоторое время рассматривал находку, не прикасаясь. Палец ему не понравился. Был он какой-то неопрятный, в подсохших пятнах крови и отрезан неаккуратно, наискосок. Взяв из мусорной кучи щепку, Ваня перевернул палец и увидел, что заканчивается палец длинным ногтем, покрытым красным лаком. Возраст пальца он определить не мог, поскольку тот уже и подсох, и как-то съезжился. Но то, что палец женский, сомнений не было.

– Так, – сказал Ваня и беспомощно оглянулся по сторонам. Но никого рядом не было и никто не мог ему посоветовать, как быть дальше. – Так, – повторил Ваня. Осторожно завернув палец в ту же газету, он сунул его в карман, ушел к березкам и забрался в свою картонную коробку.

Находки ему попадались самые разные – почти новая чашка, непочатая бутылка водки, медаль за взятие Берлина... Но чтобы человеческий палец... Такого еще не было. Ведь где-то, видимо, живет человек, которому этот палец принадлежит... Если этот человек, конечно, жив...

– Да ведь ее пытали! – воскликнул он вслух. – Значит, преступление... И, похоже, убийство... Если людям рубят пальцы... То вовсе не для того, чтобы после этого выпустить их на волю... На воле они могут навредить... Сообщить куда надо, в полицию опять же, поскольку вера в нее и надежда на нее ничем еще не омрачены...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.